

И наконец, о методах византийской дипломатии в отношении самого агрессора — турецкого султана. Его отношение к византийскому императору до некоторых пор было отношением могущественного «майордома» {356} к законному властителю⁴⁵. С точки зрения византийского государственного права земли, занятые турками и фактически ставшие территориальной основой Османской империи, являлись вечным и неотчуждаемым владением Византийской империи, а сами турки — варварами, подобно печенегам, аланам или аварам, которых можно сдерживать средствами дипломатии и боевую силу которых можно использовать в интересах империи. Соответственно этому регулировались и отношения между византийским императором и турецким султаном. Уже Иоанн Кантакузин (1347—1354), использовавший турок как противовес против генуэзцев и для усиления своей позиции внутри государства и возведший союз с турками в основной принцип своей дипломатии, писал, что турецкий эмир из друга превратился в его слугу (*Cant.* II. P. 398). Это признавали и противники Кантакузина. По словам Никифора Григоры, эмир был связан глубочайшей дружбой с Кантакузином и добровольно обещал ему, что «в течение всей своей жизни ему и его детям-наследникам будет служить и сохранять с ними дружбу» (*Greg.* II. P. 597).

Нельзя, впрочем, не отметить, что дипломатические успехи Кантакузина в отношениях с турками были пирровыми победами: именно этот император, преследуя в гражданских войнах цели овладения с помощью турок престолом империи, содействовал утверждению османов на Балканах: несостоятельность политики узурпатора стала ясна всем, Константинополь восстал. Кантакузин был низложен. Но ничто не могло изменить главного: османы утвердили свое господство во Фракии, столица империи была отрезана от своих провинций⁴⁶.

Дипломатии империи пришлось удвоить усилия, чтобы замедлить натиск турок, и на некоторое время удалось отвлечь их внимание от Константинополя. Однако уже в лице турецкого султана Баязида I византийские императоры впервые столкнулись с правителем, который не удовольствовался фактическим господством на Балканах, но совершенно открыто, по выражению историка, «протянул руку к византийской императорской короне»⁴⁷. Однако глубокая метаморфоза в Восточном Средиземноморье в результате Ангорской битвы (28 июля 1402 г.) снова дала византийским императорам возможность осуществления своей дипломатии «приручения» в отношении турецких властителей⁴⁸. По словам Дуки, турецкий султан Сулейман после Ангорской битвы прибыл в Константинополь, бросился в ноги императору и стал умолять его: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом. Отныне да не растет между нами сорная трава, и да не будет интриг, провозгласи лишь меня правителем Фракии» (*Ducas.* XVIII. 2). По договору 1403 г. императору были возвращены города на побережье Черного и Мраморного морей, Фессалоника с соседним районом. Уплата византийской дани турецкому султану прекратилась⁴⁹.

После того как между сыновьями Баязида разгорелась междоусобная {357} война и Сулейман пал в этой борьбе (1411 г.), византийское правительство видя «непримиримую враждебность» к империи одного из этих сыновей Баязида (Мусы), отправило к его брату Мехмеду в Брусу посольство с уведомлением, что в случае, если тот проиграет войну против Мусы император примет его в своей столице; если же он выиграет войну то «мы желаем,— говорит император,— чтобы ты стал правителем и моим сыном»⁵⁰. Соответственно Мехмед I, уже став султаном, также обращался к императору Мануилу со словами «святой отче» (*Ducas.* XIX. 12) Узнав о воцарении Мехмеда, император Мануил II отправил к нему (после 5 июля 1413 г.) посольство в составе «самых знатных архонтов» с напоминанием о том, чтобы султан пошел на обещанные во время своего пребывания в Константинополе уступки⁵¹. С «радостью» приняв послов Мехмед I заключил «клятвенный союз» и отдал императору все города на Фракийском

⁴⁵ *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches, nach venezianischen Quellen. Leipzig, B., 1923. S. 68.

⁴⁶ *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

⁴⁷ *Silberschmidt M.* Op. cit. S. 68.

⁴⁸ *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.

⁴⁹ *Dennis G. T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *OChP.* 1967. T. 33. P. 72—88.

⁵⁰ *Dölger.* Reg. N 3331.

⁵¹ *Ibid.* N 3334.